

Вадим Чарномский Картинки

С ВЫСТАВКИ

Вадим Чарномский
Картинки с выставки

«Издательские решения»

Чарномский В.

Картинки с выставки / В. Чарномский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519105-2

Сборник новелл «Картинки с выставки» — это откровенные и эпатажные полемичные авторские суждения, ироничный взгляд на известные мифы, политические реалии, мистическую реальность, присутствующую в обыденной жизни, юношеские открытия взрослых отношений, написанные с эротическим юмором и задором. Рефреном разных по теме и жанру новелл служит вечное стремление мужчины к женщине-колдунье. Книга для искушенного читателя.

ISBN 978-5-00-519105-2

© Чарномский В.
© Издательские решения

Содержание

Автобиография	6
Прощай, детство!	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Картинки с выставки

Вадим Чарномский

© Вадим Чарномский, 2020

ISBN 978-5-0051-9105-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автобиография

(автор коллажа Михаил Буцак)

Я родился в 603 году в Австразии (северо-восточная часть Галлии) от отца Хильдеберта, майордома Австразии и Бургундии, и матери Фредегонды, вдовствующей королевы Нейстрии (северо-запад Галлии, вкпе с Парижем), и был наречен первым своим именем, как Дагоберт «Юный».

В нежном возрасте был укушен своей бабкой по отцу, Брунгильдой Бешеной, за что она была схвачена, привязана к хвостам лошадей и разорвана на части в 613 году. В тот же год отец мой был отравлен матерью, и я, как наследник престола, был вынужден скрываться 6 лет 2 месяца и 1 неделю от собственной матери и продажной бургундской знати.

По смерти моей матери, Фредегонды Хищной, при странных обстоятельствах на пиру в честь своей сестры Синегильды, престолонаследником был объявлен мой дядя, Хлотарь II, издавший эдикт о снятии с меня ложных обвинений взамен за отказ от права престолонаследия моего и моих потомков. Будучи произведенным в майордомы, я по указанию короля Хлотаря II успешно воевал вестготов и лангобардов, хитро заключил мир с Византией, с императором Ираклием, потерпел сокрушительное поражение от славянских племен в Богемии и Моравии, во время которого был убит король придунайских племен Само, а я сам счастливо избежал позорного пленения и мучительной казни на колу. Наконец, в 639 году нанес поражение баскам в Пиринеях.

В 637 году взял в жены освобожденную мной из лангобардского плена красавицу-простолюдинку под именем Хельга-Плектруда, прозванную впоследствии «Коварной», которая понесла от меня трех сыновей, названных по моему велению Эйнгардтом, Гримоальдом

и Эброином, ставших вскоре после своего совершеннолетия майордомами всей Галлии, и заменивших собой угасшую ветвь Меровингов.

В 639 году, после возвращения из удачного похода в Пиринеи, я был задушен во сне любовниками супруги из-за ее любострастия, алчности и неуёмной жажды единоличной власти. Моя телесная оболочка была предана огню в лесу под Булонью, но моя душа еще много раз возрождалась в брэнном мире под именами Арнульфима-Теодорика, Милона, епископа трирского и реймского, Лотаря, незаконнорожденного сына Карла Великого, маркграфа Бретонского Роберта, и многими другими.

Отмечу только пребывание мое под именем Владислава Кривоустого, незаконнорожденного сына Великого Ягайлы, давшего мне шляхетскую фамилию Чарный.

В нынешней своей ипостаси, как Чарномский Вадим Владиславович, появился на свет в 1958 году в семье мореплавателя и переводчицы в силовых структурах. Имею трех дочерей, из которых воспитываю только одну, другую видел несколько раз в прошлом и очень сильно сомневаюсь в существовании третьей.

Пишу музыку слов, именуемую преимущественно лирической поэзией в жанре, прозванном «мелкотемьем», аж с 1975 года и по жизни в целом – самодостаточен. Немного о себе: общая мозговая и физическая недостаточность, раздвоение личности, парафренный и ипохондрический бред, эротомания.

Сим удостоверяясь, Дагоберт «Юный»!

Прощай, детство!

Посвящается маме!

Июль. Полдень. Жарко. Вокзал. Отъезд. Тащу два здоровых чемодана. Еле-еле. Вагон вонючий. Запахи сыра и прогоревшего угля. У мамы болит голова. Чай с лимоном. Вкусно! Вагон-ресторан. Вкуснейшая «солянка». Выхожу на каждой станции. Ночь. Вильнюс. «Отсюда твоя прабабушка Субботкина родом!» Не могу спать в купейном. Под ногами стучат колёса. Потолок надвигается. Воздуха мало. Утро. Чай с лимоном. Бутерброды с «Отдельной» колбасой. «Учи Шевченку!» Мама проверяет наизусть Пушкина.

Україна. Чернігів. Базар на перроне. Обалденная домашняя колбаса. Сало. Помидоры сахарные. Лопаются. Тёплые и сисястые тётки. Київ. Никто не встретил. Такси. Подол. У мамы болит голова. Тётка Ася Файнерман. Две дочери. Одна толстая, другая красивая. Старше меня. Борщ ужасный. Плавает укроп связкой. Сала много. Вечер. Гости. Мама тёти Аси. «Господин юнкер, пожалуйста сюда!» Сижусь рядом на табурете. Бабка старая, страшная и сухая, как щепка. Гладит по голове. Вспоминает, как плыла в 20-м в Константинополь на пароходе из Одессы. Одна. И чем расплачивалась. Часто закрывает мне уши. Сильные ладони и пальцы. Говорит, а все вокруг ржут. «Господин юнкер, у вас есть невеста?» Краснею. Мама командует, чтобы читал стихи. Обязательно Шевченку. «Не женися на багатій, бо вижене з хати. Не женися на убогій, бо не будеш спати. Оженись на вольній волі, на козацькій долі. Яка буде, така й буде»... забыл! Все хлопают. Улыбаются. Лучше – Пушкина «Алине». Потом Симонова «Жди меня...» Я на «коне»! Некоторые тётки плачут.

– Сыграй на рояле! – мама, как всегда меня выпячивает.

– Что играть?

– То, что ты хочешь, – сказала старая карга.

Играю Шопена 12-й этюд. 4 раза «соврал». Хлопают, браво! Долго. Играю свою аранжировку «Пішла киця по водицю». Мамина колыбельная. Снова плачут. Старая карга собралась уезжать. Позвала маму в коридор. Кое-что слышу. «Риффочка, твой сын – чудо! Береги... глазками умеет стрелять... баб будет немеряно...» Запомнил последнюю фразу. «Спаси и сохрани вас от большевиков!..»

Утро. Хрещатик. Всё в каштанах. Мороженое, мороженое, мороженое! Кафе. Торт «Карпаты». Вкуснятина. Туалетов нигде нет.

– Мама, а кто это была вчера, старая и страшная?

– Это дочь секретаря Льва Толстого – Файнерман Розалия Исаковна.

У мамы болит голова. Живём рядом со стадионом. Пошёл на футбол Динамо Киев – Заря Луганск. Классно!

Уехали в Конча-Заспу. Турбаза. Все домики на столбах, как на курьих ножках. Дядя Боб. Брат тёти Аси. «Дядя Бора, выйдешь с мора, сядь на камень и засохни». Жарко. Познакомился с пацанами. Их мало. Все – на отдыхе от Минздрава Украины. Дети хирургов и нейрофизиологов. А я кто?

Танцы. Громкоговоритель. Под песни Рафаэля. Пригласил девочку. Симпатичную. Дышал ею и вспотел. Ещё раз пригласил. Познакомились. Она меня пригласила. Пришли взрослые и нас прогнали. Девочка сама подошла. Гуляем. Показала базу Динамо Киев. Сплошь колючая проволока. Не прошмыгнуть. Похвастался, как умею курить. Стыренная у дяди Боба сигарета «Столичная». Стошнило.

– Не бойся, я никому не расскажу!

Отыскала родник. Попил. Умылся. Вечереет.

– Ты умеешь целоваться?

– Да, конечно.

– Давай, попробуем?

Целуемся. Она говорит, что не умею. Учит – как! Рассказывает подробно. Снова пробуем. Вроде бы у меня получилось. Понравилось. Читаю стихи. Есенин. «Ну, целуй меня, целуй,

Хоть до крови, хоть до боли». Снова целуемся. Пришли к её домику. Принесла свой дневник. Напиши стихи? «Я-ся лю-сю-блю-сю И-си-ро-су!» До завтра! Целует губы очень нежно.

Дома. Мама уже уехала.

– Дядя Боб, а где ваша жена?

– В клинике сидит.

Понятно – развелись. Завтра сын Валерка приедет на отдых. Одногодок. Тоже «октябрьский». Телека нет. Буду писать стихи.

Приехал Валерка. Классный парень! Дядя Боб предложил:

– Сыграйте что-нибудь вдвоём?

У него кларнет. Пошептались с ним. Сыграли «Мурку». Дядя Боб в трансе. Говорит: «Супер!» Говорит, что надо в клубе выступить за деньги. Смеёмся. Пошли на Днепр ловить рыбу. Три часа проторчали. Четыре уклеики. Пообедали. Пошли на танцы.

Познакомил с Исиросой. Он её знает. Она старше нас на целый год. Исироса познакомила Валерку с подружкой. Подружка Сонечка – тоже еврейка. Снова Рафаэль. Три танца с Исиросой танцевал. Снова вспотел. Пришли взрослые и нас прогнали. Пошли вчетвером гулять. Обсуждаем, как залезть на дерево перед киносеансом. Кинотеатр открытый. Ромео и Джульетта. Дети до 16 лет. Валерка с Соней пошли за лестницей. Мы пошли целоваться. Целуемся. Моя ладонь сама улеглась на её колени. Я не виноват. Я не хотел. Она раздвинула колени. Предательская ладонь залезла ещё дальше. Осмелел.

– Можно, я посмотрю? В трусиках.

– Можно, но руками не трогать!

Посмотрел. Ничего интересного. Но что-то притягивает. Снова целуемся. Моя рука уже по-хозяйски залезает под платице. Пришли друзья с лестницей и фонариком. Уже пора. Приставили лестницу к черешне. Залезли с девочками на толстые ветви. Смотрим Новости. Посмотрели фильм. Девочки расплакались. Мы с Валеркой тоже. Только молча. Идём домой. Спорим. Почему – до 16 лет нельзя, а Джульетте 14 лет? Сколько лет Ромео? Можно ли в 14 лет рожать? Валерка клянётся при всех смастерить тиару для Сонечки, как у Джульетты. Мне тоже надо что-то пообещать. Я клянусь привезти из Киева золотую цепочку. Для Исиросы. Нет, две – на обе руки. Валерка не верит. Посмотрим! Разошлись по домам. Ночью плохо спал. Снилось Исироса. Лежит голая. Плоская, как доска. Подмышками мех. Что ниже, не увидел – проснулся. Показалось – описался. Включил свет. Нет ничего, но мокро. Понюхал. Какая-то гадость. Хорошо, что спал без трусов. Убрал на фиг простынь и заснул.

Утром приехала мама. Забрала меня на концерт Климова и Флиера. Сунул в дверь Исиросе записку. «Приеду послезавтра». Аскольдова могила. Экскурсия. Вопросы есть? Спросил, где похоронен Дир. За Ирининской церковью, но её уже не существует. «Какой умный мальчик!» Стадион «Динамо».

– Твой дедушка служил начальником стадиона.

Наша «Балтика» лучше будет. Поехали к родне на Брест-Литовский. Двоюродный брат моего деда. Старый, как пень. «Иди познакомься с внучкой. Сам».

– Привет! Тебя как зовут?

– Лариса.

– А я умею целоваться!

Она посмотрела на меня, как солдат на вошь.

– Ты знаешь, что означает – мастурбировать?

Я обмяк. Я не знал такого богатого слова. Девочка фыркнула и ушла на улицу гулять. Без меня. Первый раз увидел, как курят Беломорканал. Я помнил, как дедушка курил только Герцеговину-Флор. Поехали на концерт.

Климов играл бесподобно. Паганини. Сен-Санс. Брамс не понравился. После концерта – кафе. Мороженое с шоколадом. Гранатовый сок. Поздно вечером я отщепил отвёрткой

от маминой очень длинной цепочки «под золото» две маленькие цепки. Мама увидела, что спать ложусь голым, заставила надеть трусы.

Утром едем на улицу Розы Люксембург. Мамин дом. Постучались в квартиру на первом этаже. Мама забеспокоилась:

– Подожди на дворе.

Потом позвала:

– Вот тут мы жили с мамой, папой и сестрой Зоей. 7 лет. Пока война не началась.

Ничего интересного. Всё равно все вещи, мебель, книги чужие. Снова к родне, но уже к другой, к Арсеналу. Мальчик Кока, 13 лет.

– Давай, в шахматы?

Он проиграл и обиделся. Спросил его, что такое – мастурбировать? Не знает. И я не знаю. Подслушали с Кокой, о чём говорят на кухне. Про его папу. Ходок лазучий. Что это? Мы не знаем.

Поехали домой, в квартиру тёти Юли. Бывшая жена дяди Боба. У мамы болит голова. Пошёл купить билеты Спортлото. Заполнил их и бросил в специальный жёлтый ящик. Розыгрыш через 3 дня. Выиграю 5 тыщ рублей, куплю маме таблетки от головной боли, английские, а Исиросе – кольцо обручальное. Опять плохо спал. Но снял трусы, чтобы мама не видела.

К полудню – на базар на Бессарабку. Купили вишню-черешню, груши, лук, помидоры, абрикосы-персики, утку, порубленную на куски, кусок свинины. Зелень всякую. Мама будет готовить полтавский борщ. Она торговалась на смешном до изумления языке. Оказывается – суржик. Есть ещё трасянка, но в Белоруссии. Смешные слова и названия. Никогда не слышал. Спросил, что такое – мастурбировать? Мама сняла очки.

– Это то действие, которое ты часто совершаешь, когда сидишь в туалете по пол-часа.

Понятно. Но у мальчиков это по-другому называется. Тащу две авоськи с продуктами. Заехали после базара к мужу тёти Аси. Известный художник Раппопорт. Мастерская в Софийском соборе.

– А чем он известен?

– Звание Народного художника. Реставрирует этот собор уже сто лет.

Мужик с татарской бородой в очень грязном спортивном костюме. Сожрал почти все персики. Вот же гад! Вечером ели мамин борщ. Вкуснотища! Скучно очень. Хочется целоваться. Но не с кем. Завтра! Опять плохо спал. Снилось, что я отплываю на корабле похожим на СРТ (средний рыболовный траулер). На причале Исироса, но лицо у неё, как у Анастасии Вергинской.

Ура! Я снова в Конча-Заспе. Хочу целоваться, аж трусуюсь. Убежал к Исиросе. Постучал в дверь дома. Открыла тётка какая-то. Говорит, сейчас выйдет. Вяжет что-то второй день. Вышла. Мы стремглав потянулись друг к другу. Она нежно обхватила меня за шею. Я – за талию. Получился поцелуй открытыми ртами. Языки соприкоснулись. Переплелись. Моё сердце всколыхнуло и кинулось прочь. Задыхаясь, я с трудом оторвался от неё.

– Я связала тебе подарок.

И протянула повязку-хиппи и браслет. Надела мне на лоб и на запястье. Точно такие же были на ней.

– Сейчас моя тётя уедет в Киев. Пойдём ко мне?

– Конечно!

Посидели на скамейке. Она надела сварганенные мной золотые браслетики.

– Спасибо! – и чмокнула в губы.

Я рассказал про родню, про Аскольдову могилу, про Бессарабку. Вышла тётя и уехала. Мы вдвоём. У неё дома.

– Хочешь чаю?

– Да, хочу.

– Сначала поцелуемся.

Целуемся, стоя на кухне. Моя мерзкая ладонь тут же залезает под платье. В трусики. Как горячо! И мокро. Этого мало. Её рука так же простенько влезла ко мне в спортивное трико. В мои трусики. Губы рассоединились, но руки мы не убрали.

– Какой ты горячий и твёрдый!

Голубые глаза смотрят прямо в меня. Шепчет:

– Тебе хорошо?

Мои пальчики куда-то проваливаются. Дрожу. Очень боюсь застонать. Коленки подгибаются. Она вытаскивает руку из моих штанов. Я тоже.

– А я знаю, что это. Девчонки рассказывали.

Рассматривает свою ладонь и нюхает.

– Пахнет интересно. Пошли руки мыть?

Молчу, что мне надо не только руки мыть. Оказывается, она знает.

– Сними трусики, я их постираю вместе со своими. Успеют высохнуть на солнце.

Сидим без трусов. Пьём чай с баранками. Она в платье, я в трико.

– Мы теперь жених и невеста?

– Наверное, да. Вот выиграю в Спортлото и куплю тебе обручальное колечко.

– Тебе хорошо было?

– Мне было чудесно!

Молчу, что у меня самого так никогда не получалось. Хочется ещё. Но сказать стесняюсь. В дверь стучат. Испугался.

– Не бойся, тётя точно уехала. Кто-то из наших.

Оказалось – Валерка.

– Пошли сегодня на речку? Рыбу половим. Чаю нальёте?

Сел пить чай. Вот жеж! Нам трусы нужно надеть. А он чай пьёт.

– А Соня где?

– Соня сегодня не выйдет. Сказала – сердце болит.

– Это ты ей сердце разбил?

– Ну, да, вот ещё! Соня хитрая.

– Валер, выйди, подожди на скамейке.

– Ага. Я вам мешаю?

– Ты не понял. Я девушка, мне надо переодеться.

Короче – вышли мы вдвоём. Я, как и был, без трусов, но в трико. Хвастаюсь:

– Видел у неё браслетики золотые? Это я привёз и ей подарил! – пускаю пузыри от превосходства.

Валерка тоже смастерил тиару из фольги и проволоки и тоже уже подарил.

– Классно получилось, увидишь ещё.

Вышла Исироса. С авоськой. В авоське три груши и мои трусики. Я сразу узнал.

– Валер, мы гулять пойдём.

– А я?

– А ты иди к Соне, постучи в окно, она выглянет.

– Как я в окно постучу, если избушки на столбах? Это ж метра три.

– Ну, придумай что-нибудь! Соня выглянет, попросишь прощения. Она просто под «красным знаменем» сегодня.

У Валерки и у меня глаза на лоб залезли.

– Под каким красным знаменем?!

– Ну, с пионерским галстуком, какая разница?

Рты наши приоткрылись.

– Мальчики, какие вы ещё наивные.

– А за что просить прощения?

– За будущие прегрешения!

Смеёмся.

– А лучше скажи ей, что хочешь поцеловать. На, грушу, и иди! Валерка грушу взял и поплёлся. По-моему, чуть всхлипнул.

– Обними меня за талию. Пойдём целоваться? Тут, рядом.

По пути рассказывает, как надо целоваться и одновременно дышать носом. Однако, сложновато. Идём на старую конюшню.

– Ой, я плед забыла!

– Мне бы трусики надеть.

– Зачем? Я тоже без трусиков – так проще.

Быстро сбегала, притащила плед и сунула мне в руки. В авоську добавились баранки и шоколадка. Конюшня, в которой уже много лет не было лошадей. Забрались на второй ярус по лестнице. Она расстелила плед. Клетчатый. Надо раздеться.

– Как в кино, помнишь?

Повернувшись спиной друг к другу, разделись. Почему-то мне не было стыдно. Она опустилась на колени. Я – точно также напротив. Наши коленки соприкасались. У неё совсем не было сисек.

– Почему?

– Я ещё не выросла. Через год появятся. И не говорят – сиськи. Это грудь! Видишь, маленькая очень.

Я потрогал. Маленькая. Но соски почему-то в два раза больше, чем у меня.

– Не убирай руку, потрогай другую, – ей явно нравилось.

Трогая другую, я ощутил некоторую неловкость в своём теле.

– А почему у тебя на лобке так мало волос? Ты же старше?

Но она уже смотрела, чуть приоткрыв рот, не на меня, а на «мою неловкость». С удивлением и восторгом.

– Дурачок ты! Иди сюда!

Она легла на спину, как-то смущённо улыбаясь.

– Ложись на меня. Как взрослые делают, нам нельзя, мы ещё маленькие, но тебе будет хорошо. И мне тоже!

Заметив моё некоторое замешательство, она приподнялась, закрыла ладошкой мою «неловкость» и слегка потянула на себя, раздвинув свои ножки. Я лёг на неё, оперевшись на локти. И мы стали целоваться. В губы. Потом я целовал её плечи, она подсказала поцеловать её грудь. При этом чуть прижала другой рукой мою голову к себе. То, что она делала своей ладошкой, было ужасно приятно. От неё пахло вкусно молоком. Чуть закружилась голова. Мои нежные поцелуи переместились на её закрытые глаза и брови. Она попросила поцеловать ей ушко. И уже целуя ушко, мои губы и всё моё тело задрожало от кончиков волос до пяток, сердце взбесилось и ускало прочь. Я что-то промышчал глупое и несусветное, и соскользнул с локтей прямо на её грудь.

– Ой, раздавишь ведь!

И она засмеялась тихим воркующим смехом. Собрав остатки сил, я приподнялся на локтях.

– Какая ты красивая!

– Потому, что я твоя невеста. Давай, поднимайся, а то у меня все пальцы склеились.

Я перевернулся на спину рядом с Исиросой. И стал петь. Голос у меня был музыкальный, но не громкий. Слова как раз соответствовали моменту:

«Какую песню спеть тебе, родная?»

Спи, ночь в июле только шесть часов.

Тебя, когда ты дремлешь, засыпая,
Я, словно, колыбель качать готов,
Я, словно, колыбель качать готов,
Спи, ночь в июле только шесть часов».

– Ой, обожаю «Цветы»!

И поцеловала меня в щёку.

– Ты – мой любимый! Отдышался? Пошли вниз замываться.

Уже одевшись и растворив ворота, мы увидели, как сбоку шарахнулась чья-то тень. За угол. Мы с Исиросой переглянулись. Я завернул за угол конюшни и увидел Валерку. Он беспечно улыбнулся мне, но щёки предательски горели ярким пламенем.

– Здрасьте вам!

– Ты почему один?

– Я ж сказал – не выйдет Соня.

– А чего тогда – здесь?

– От скуки. Вас жду. Пока нацелуетесь.

– Валер, только – никому!

– Могила! – и мы уже шли втроём к реке.

– И чего ты слышал?

– А как ты пел что-то слышал.

– И всё?

– Да, всё!

– Мальчики, вы ж голодные! Я сейчас котлет принесу и хлеба.

– А компот?

Мы засмеялись с Валеркой.

– Компота нет, есть кефир.

– Тоже пойдёт.

– На каком причале?

– На вёсельном, где лодки.

Исироса убежала за котлетами, утащив шоколадку. Мы жевали баранки и груши. Дошли до причала, в лодке дяди Боба было три удочки, одна – шикарная, бамбуковая. Закинули две на уклеек. Они хватали даже пустой крючок. Потом насадили живца и закинули бамбуковую, авось жерех, или даже щука хватанёт.

– Скажи честно – целоваться с девчонкой здорово или так себе?

Я вытянул большой палец вверх.

– Супер-кайф!

Валерка вздохнул. А я добавил:

– Знаешь, что? Мне Исироса рассказывала, есть такая книга древняя индийская, называется Кама с утра. Она на индийском языке. Её перевели на русский и напечатали на печатной машинке. Там много страниц и она есть почти у всех взрослых. Это про любовь. Но они эту Каму от нас прячут. Дети до 16 лет. Пошарься у отца, может найдёшь. Она говорит, чтобы научиться целоваться и всяким другим вещам, надо мальчикам её прочитать. Я у матери тоже посмотрю, когда домой приедем.

– А почему с утра?

– Не знаю. Наверное, Кама – это индийская богиня любви, а с утра... ну, все дела лучше с утра делать.

Прибежала Исироса. Принесла хлеба с бутылкой кефира и 6 котлет. Мы тут же вдвоём жадно сожрали 5 штук, одну оставили ей. Пьём кефир по очереди. Увидел, как медленно поползла бамбуковая удочка. Взял в руки и потянул. Шиш с маслом! Будто зацепилось за что-то. Попробовал резко потянуть в другую сторону – бамбук хрустнул и переломился. Успел

схватить за леску и стал тащить. Вот она – щука! Валерка побежал за подсакком. Тянем. Вытащили! Исироса прыгает и хлопает в ладошки, как маленькая.

– Папка трандов ввалит за то, что удочку сломали.

– Пускай ругает меня. Я виноват. Зато щуку на 2,5 кг вытащили.

Пришли домой. Я рассказал, мол, так и так. Я тянул, она – хрясь. Дядя Боб маленько посердился, но сказал, что завтра отработаем за удочку. Пошёл заниматься щукой.

Провожая Исиросу. Поцеловались. Сдуру брякнул, что очень хочу спать с ней в одной постели.

– От этого дети появляются.

– Я знаю. Но ты же умная, знаешь, как можно без детей?

– Нет, к сожалению, не знаю. Надо ждать до 16 лет.

Она расстегнула на мне рубашку, поцеловала в грудь и прижалась щекой.

– У тебя кто-нибудь был до меня?

– Нет. Один раз поцеловался с девчонкой – в фанты играли. Но ты ж сама сказала, что не умею целоваться.

– И у меня никого не было. Пора идти. Я люблю тебя!

– А я тебя люблю. Мы будем вместе навсегда.

– Обязательно будем! Спокойной ночи!

Утречком дядя Боб за завтраком принёс нам ноты. «Музыкальная шутка» Баха. Партия фортепиано и партия кларнета.

– Это вам, ребятки, работёнка «за удочку». Выучить сегодня же наизусть. Вечером, как стемнеет, будем репетировать. А я пока рыбу-фиш из щуки буду делать. Шкуру вчера снял, засолил, замочил, фарш готов. Каждый у нас будет занят делом!

Пока учили свои партии, мама приехала. Она пришла в восторг, увидев нас с Валеркой, сидящих за нотами. Дядя Боб увёл её на кухню, там уже пошла другая музыка: что-то щёлкало, стучало, хрустело и шкворчало. В дверь постучали. Я догадался, кто это, и побежал открыть. Это была Сонечка.

– Долго будете? Там Ирка твоя скучает, чуть не плачет.

– Там – это где?

– Да, вот она за углом!

– Иди к Валерке, одухотвори его!

А я побежал босиком по ступенькам вниз. Целоваться было нельзя: из окна люто глядела мама, а из-за её плеча – дядя Боб. Я показал знаком Исиросе, что – нельзя, мол, смотрят на нас.

– Пойдём к нам? Будете сидеть тихенько с Соней, а мы – партии свои разучивать.

– Пошли!

Дядя Боб был тут, как тут!

– Ого! У нас пополнение ансамбля. Вы, девочки, на каких музыкальных инструментах изволите играть?

Оказалось, Соня – на нервах, а Исироса – на струнах любви.

– Прекрасно! Значит будете танцевать. А теперь слушайте сюда, дважды повторять не буду.

Он взял свою флейту и легко, с задором сыграл «Шутку» Баха. Девчонки захлопали. Мы с Валеркой тоже. Девочки оживились, согласившись подготовить танец под музыку.

К обеду щука, фаршированная по-еврейски, называемая в просторечии рыба-фиш, была готова. Да, и мы уже почти всё разучили. Мама поставила блюдо с щукой на круглый обеденный стол, дядя Боб разрезал на куски, и положил каждому на тарелку. Щука была – просто объеденье! Обед закончился чаем, а к чаю – хлеб и форшмак. Мне просто ужасно хотелось целоваться. Дядя Боб устроил себе тихий час. Мама взяла в руки книгу и отправилась на кухню. Соня с осоловевшим Валеркой сели играть в «дурака» на шелбаны. Мы с Исиросой заперлись

в кладовке, и целовались, целовались, целовались. Не только в губы! Тихий час поцелуев закончился громогласным падением книги из маминых рук на кухне. Она задремала у окна, а книга скоропостижно грохнулась оземь. Тут же всё ожило. Задвигалось и зашелестело. Мы тихонько выползли из кладовки с мокрыми трусиками и припухшими губами. По очереди совершили омовение в ванной. И были готовы к новым приключениям.

Вечер вступил в свои владения. Девчонки пошли домой. А мы собралась репетировать. Дядя Боб погонял нас раз пять, пока не добился приличного звука. Теперь – более-менее.

– Всем быть послезавтра в шесть вечера тут, на командном пункте. В 6.30 даём концерт в «ракушке» (на открытой сцене клуба). За Валеркой – третья часть сонаты для кларнета Гайдна, за тобой – Шопен 12-й этюд и «Грёзы» Шумана, потом – ваша «Мурка» дуэтом и завершаем концерт «Музыкальной шуткой» Баха уже все скопом. Входной билет – десять копеек. Зрителей ожидается предостаточно.

На следующий день мама забрала меня в Киев. Сначала в музей – в Художественную галерею. Снова экскурсия. Расширенная выставка работ Архипа Куинджи. Поразило очень и очень. Но пустой трепотни – целое море. Откуда это полотно, из какого музея, кто любезно предоставил – на фига это нужно?!

Потом был ресторан «Хрещатик», люля-кебаб с лавашем и гранатовый сок. В Ленинграде в «Кавказском» – лучше! Потом – к маминому знакомому на Русановку. В гости. Едем по мосту. «Видишь, это Владимир-Креститель!»

Дядя Марат и тётя Зина. Дядю я помню, он мне марки привозил из Африки, когда был военным лётчиком, кубинские и египетские монеты, красивый конверт из Каира. Седой, высокий, эффектный. А тётя Зина похожа на хавронью. Опять надо играть на рояле. Две дочки. Две маленькие «тёти Зины» семи и девяти лет. Две маленькие хрюшки. Очень хочется целоваться, но не с ними.

Домой. Успел до закрытия забежать в киоск Спортлото. УРА! Я угадал четыре цифры из шести. Выигрыш – только завтра. Целых 193 рубля. Маме скажу, она получит. У мамы болит голова. Даже, несмотря на мой выигрыш. Я читаю «Наследника из Калькутты».

Мама утром получила выигрыш. Выделила мне «пятёрку». От щедрот.

– Сначала определись, что надо купить. Потом купим.

А что тут определяться? Колечко для Исиросы. Но пока молчу. Сказал про таблетки от головной боли для неё, импортные. Мама сняла очки. Долгий вопросительный взгляд.

– Ты всё-таки идиот!

Приехали в Конча-Заспу. Мама ушла сразу спать. Я убежал к любимой. Стучать в дверь не пришлось – уже на ступеньках было слышно, как Валерка орёт под гитару «Can't buy me Love» битловский. «I'll buy you a diamond ring my friend if it makes you feel alright». Какое совпадение! Я ведь тоже хочу купить Исиросе колечко. Постоял. Послушал. Вспомнил, что мне надо сыграть. И спеть. И вошёл без стука. На меня и внимания не обратили. Исироса глядела с дивана на Валерку. Удивлёнными и весёлыми глазами. Сонечка рядом с ней смотрела на него, как удав на кролика. Он сидел на стуле и изощрялся на гитаре. Валерка допел. Мы все захлопали. Теперь вступаю я!

– Ребята, я классную вещь знаю. Самая новая. Только-только! У нас на СВ по транзистору на Радио Люксембург постоянно крутят. Звёздный путь в небеса. Led Zeppelin.

Валерка аж рот раскрыл.

– Ты знаешь её?!

– Ну, помню слова только вначале, но музыку – да, знаю.

– Не играй – я за своей «кларой» сбегая.

Устроился на стульчике. Сонечка расстегнула две верхние пуговицы на блузке. Жарко, конечно. Я начал вступление. Гитарный проигрыш. Тут же прискакал Валерка с кларнетом. Встал рядом со мной. И вступил чётко в нужный момент. Молодец! Значит и в Киевском

музучилище есть продвинутые музыканты. Это радует! «There's a lady who's sure all that glitters is gold, and she's buying a stairway to heaven...» С кларнетом звучало просто апокалиптически! Больше я текста не помнил. Стал петь обычное «та-да-та та-да-та». Сонечка расстегнула все пуговицы на блузке. И более того – распахнула блузку нараспашку. Грудь у Сонечки БЫЛА! Первый куплет подходил к концу. Валерка хрюкнул в кларнет раз. Хрюкнул второй. Стал красным, как рак. И мы оба почти одновременно прекратили играть. Исироса шепнула на ухо:

– Пошли отсюда поскорее. Оставь им гитару.

Сонечка гипнотизировала Валерку, как кобра перед смертельной атакой. Валерка судорожно облизывался – слюна пошла не вовремя. И мы тихо смылись. На конюшню.

– Такую песню Сонька испортила!

– Не обижайся на неё. Она со мной поделилась по секрету, что, как увидит Валерку, хочет раздеться перед ним.

– Значит – любовь?

– Ага, точно! Ой, опять плед забыла!

– Может, тогда вернёмся?

– Не, ни в коем случае! Сейчас там – ТАКОЕ! Тётки моей до вечера не будет. Пусть побудут наедине. Всем девушкам нужны ласка и нежность, и слова красивые. Поцелуй меня?

И мы стали целоваться! Сладко, ласково и самозабвенно. Она расстегнула и распахнула рубашку на мне. Стала целовать грудь и прикасаться губами к соскам. Я прижимал её худенькое тельце к себе. Наштупывая молнию на её спине и дрожа.

– Постой! Ведь уже 4 часа, наверное?!

Часов у меня не было.

– Пошли, их расшухерим. Нам же с Соней надо доделать танец под баховскую шутку. И костюмы ещё.

Подошли к избушке. Исироса дважды постучала.

– Да-да! Свободно.

Сонька с Валеркой сидели на диване. Перед ними столик с чашками. Соня демонстративно наливала чай. И ярко улыбалась лучистыми глазами. Улыбкой сытого крокодила.

– Нам же танец надо доделать? И костюмы.

– Ой, точно!

Девочки убежали в другую комнату и закрыли дверь.

– Ну, как ты?

Валерка поднял голову, улыбаясь, но в глазах стояли слёзы.

– Ты чего? – я аж испугался.

– Ты знаешь, печально расставаться с детством!

Меня прошиб взрыв хохота. Мы оба смеялись до слёз.

– Вы чего там ржёте?

– Да, так... анекдот смешной. Девочки, мы пошли.

– Идите-идите! Мы часам к 6-ти придём.

По пути к дому Валерка тормознул.

– Ты знал, что у них кровь идёт?

– У девчонок?

– Ну, да!

– Из носу, что ли?

– Не прикидывайся!

Я соврал, что да – знал.

– А чего ж не сказал?

– Так... забыл. А ты и не спрашивал!

– Ну, да... я и не спрашивал, точно.

Я решил съехидничать:

– Губы не болят?

– Губы не болят – совсем другое болит.

Валерка таинственно засмеялся. Вот те на! Как он меня обскакал, надо же?! Правильная поговорка: в тихом омуте черти водятся. Пришли. Поели. Изловчив минуту, спросил у мамы, что такое – ходок лазучий? Мама снова сняла очки.

– Это тебя девочки учат таким словам?

– Нет, что ты! Мы с Валеркой случайно услышали – две тётки громко говорили.

– Это очень грубые слова, сродни матерному аргю. Не что, а кто! Так необразованные граждане называют мужей неверных своим обязательствам.

Сразу стало всё понятно. Сложен мир у взрослых, однако. Наверное, дядя Боб тоже свои обязательства нарушил. Сидит теперь здесь, на даче, на флейте брякает, а жена в клинике дежурит. Начали репетицию. Валерка сыграл своего Гайдна. Я – Шопена. Во время шумановских «Грёз» пришли девчонки. Тихо сели. Перерыв.

– Чем нас девочки порадуют? – дядя Боб улыбнулся.

Соня показала тюль в виде танцевальных костюмов.

– Сейчас переоденемся и покажем основные движения.

Сонечка занималась в школе фигурного катания. Рассказывала, как видела Щеглову и Четверухина. Одиночники сборной СССР. Девчонки переоделись. Я был в молчаливом восторге. Сквозь тюль смутно бледнели трусики и лифчики в васильках. Танец в стиле Айседоры Дункан. Босиком. Попрыгали, покрутились. Ух, как здорово! Валерка молча поедал глазами Соню. Дядя Боб сунул в руки Сони кота-копилку.

– Для тебя есть партийное задание. Ты встанешь у входа и будешь улыбаться каждому проходящему, а также протягивать в своих руках копилку. Он будет туда опускать гривенник. Всё. Мы готовы. Идёмте!

Концерт удался! Правда, я смазал концовку шопеновского этюда, но это чепуха. А на «Мурке» хлопали оглушительно! Всем понравилось. Пришло где-то человек 25. Девочки наши были красивыми и здорово танцевали.

Сразу после концерта Валерка с Соней куда-то таинственно исчезли. Дядя Боб с мамой и копилкой пошли к дому. Мы с Исиросой побежали к конюшне.

– Валерка теперь тоже жених. Сонин. Она ему отдала своё девичество.

– А мы с тобой?

– Я очень боюсь! Ты такой горячий всегда и твёрдый бываешь

Открыли скрипучую дверь. Голос сверху:

– Ребятки, туточки уже занято!

Соня с Валерой. Собственной персоной.

– Надеюсь, у вас хватит ума, чтобы не лезть вверх по лестнице? Ума у нас хватило. Пошли на танцы. Там на «пятак» только взрослые. Мы встали за оградой. Танцуем. Ещё две девочки рядом с нами. Тоже танцуют. Искоса на нас поглядывают. Целоваться нельзя. Рассказываю «Наследника из Калькутты». Что успел прочитать. Молчим.

– Ты уедешь?

– Да, через несколько дней. Так мама сказала.

– Мы же обменяемся адресами?

– Конечно! Я из поезда тебе напишу. В Минске брошу в почтовый ящик. Валерка сказал, что жениться можно с 16 лет только у вас на Украине. Скажи, ты читала всю Каму?

– Какую Каму?!

– Ну... которая с утра.

– Господи! Вот жеж! – Исироса залиvisto рассмеялась.

– Это – Камасутра! Кама по-индийски постель, а сутра – рукопись. Понимаешь?

– А про любовь там есть?

– Да! Там только про любовь! Вообще, как взрослые друг друга любить должны. Сначала там много страниц всякой чепухи. Философия всякая. А потом – самое главное. Я не могу тебе рассказать. Мне стыдно, – и она опустила голову.

– А у Сони спрашивала, как они?

– Да. Она мне всё рассказала.

– А чего ж мы тогда? Отож! Я завтра уеду с мамой. В Бабий Яр. И к знакомым. После-завтра утром приеду. Давай, и мы попробуем?

Она как-то тихо и обречённо вздохнула:

– Давай! Мне домой уже надо, а то тётка заругает.

– Пошли!

Я взял её ладонь в свою. И мы молча пошли домой. Грустно как-то...

На следующий день мы с мамой уехали в Киев. С вокзала – сразу в Лукьяновку. Небольшой гранитный камень. Вокруг маленькие красивые ёлочки. Выбита надпись «Тут буде споруджено...» И всё! Больше ничего нигде нет!

– Мам, а где же памятник?

– Для сооружения памятника сначала нужен макет. Сейчас проходит конкурс среди маститых скульпторов на лучший памятник из представленных макетов. Потом, вот на месте этого камня будет поставлен памятник.

Я был озадачен. Прочитал ещё года два назад повесть Анатолия Кузнецова «Бабий Яр». Хорошо помнил этот номер «Юности» в коричневой обложке. Читанный-перечитанный. Страшная вещь! И вот на месте гибели более ста тысяч советских людей, расстрелянных фашистами, пустота. Ничего! Очевидно мама тоже вспомнила:

– Дурак этот Кузнецов. Полный идиот и алкоголик! Если бы не пил, не убежал бы в Англию, а стал великим советским прозаиком.

Я положил купленные на вокзале гвоздики на камень. Мама зашла за камень и кинула ещё несколько цветов вниз, в небольшой и неглубокий ров, покрытый «зеленью».

– Здесь погибли первая жена дяди Фёдора Приймака, у которого мы с тобой были на Брест-Литовском, и первый муж его нынешней жены, тёти Юли. Они познакомились уже в партизанском отряде, вдовы.

Мама вытерла слёзы. И мы поехали в центр.

– Мам, я подумал, что купить на мой выигрыш. Колечко золотое. Я хочу подарить его одной девочке на память.

Я вовсе не собирался открывать маме, что мы с Исиросой теперь жених и невеста. Мама сняла очки.

– А ты имеешь понятие, сколько стоит это колечко? Целых 120 рублей! Понятно? Мы с тобой целый месяц живём за такие деньги. Кушаем. Вот, когда ты начнёшь зарабатывать, тогда и будешь одаривать своих девочек кольцами.

– Мам, я обещал ей!

– Хорошо... пошли!

И мы зашли в магазин «Галантерея». Там мама глубокомысленно потыкала пальцем в витрину, на которой лежала всякая бижутерия «под золото».

– Вот как раз подойдёт! Какой у неё размер?

Я нахмурился и пожал плечами.

– Ты даже не знаешь размер пальчиков своей девочки, а собрался дарить ей золотые украшения! Ты всё-таки идиот! А кстати, что за девочка? Это одна из тех двоих, кто танцевал на сцене в полураздетом виде? И кто же – евреечка или рыжая?

– Да. Это Исироса.

– Что за имя такое дурацкое?!

– Ой, извини, – Ира!

Мама сделала «фырь», но колечко купила.

– Мам, ну, раз не золотое, тогда бы ещё купить коробку конфет.

– А я тебе деньги давала?

Я показал «пятёрку». Маловато!

– Ладно, вот десять рублей, сам купишь и – домой сразу же!

Мы жили сразу за Бессарабкой на Крутом спуске. Я купил в «Кондитерии» небольшую коробку «Птичьего молока» и довольный пошёл домой. Ополоснулись в ванне по очереди, перекусили и поехали к тёте Асе.

Съехали на фуникулёре – долго пришлось упрасивать. Мама боялась фуникулёра. Тёте Асе мама рассказывала, как я выступал на сцене, как сыграл. Я же спросил у Лены, старшей дочки, ей уже было 17, как бы достать «Камасутру» почитать.

– Ты что?! – она округлила глаза. – Тебе ни в коем случае нельзя! Ещё не дорос.

– У тебя есть, да? Ну, дай чуть-чуть почитать!

– И не проси! Это мамина «Камасутра», а не моя.

– У меня завтра свидание с девочкой. Последнее. Мы уже собираемся уезжать.

– У вас, что – любовь? – Ленка спросила и сладко улыбнулась.

– Ну, да! Только не говори никому. Мы помолвимся!

– Что-что? – и она рассмеялась, по-доброму, погладив меня по голове.

– Не бойся – не скажу! А ей сколько?

– Уже 14 лет.

– Ну, ты даёшь! Бабушка оказалась права. Всё равно нельзя. Я тебе вот, что скажу: не спеши и не бойся, смотри своей девочке в глаза, расслабься полностью, поцелуй её и попроси, чтобы она всё сделала сама – девочки лучше мальчиков понимают, что и как надо делать.

Верю, конечно! Лена уже всё знает и умеет.

– Вот тебе в подарок! На память от меня.

Лена протянула серенькую книгу Нойберта «Новая книга о супружестве».

– Только маме не показывай! Я и так тебя предостаточно «растлила», – и засмеялась.

Книгу я спрятал под рубашку за ремень. Вскоре я, растлённый вконец, и мама поехали домой.

На следующее утро мы с мамой уехали в Конча-Заспу. Дядя Боб был чуток навеселе. Причём этот «чуток» не сулил ничего хорошего ни мне, ни Валерке.

– Ага! Ещё один злыдень писюкатый пожаловал! Риффочка, представь, что тут творят наши малолетки! – и он выругался, но не по злому, при этом извинился перед мамой.

– Они вдвоём, понимаешь ли, устроили в конюшне притон, типа купринской «Ямы». Приглашают туда малолеток, таких же, как они, и лихо устраивают там оргии в стиле императора Тиберия!

Валерка, опустив голову, сидел на диване и молчал в тряпочку.

– А вы знаете, что половые сношения... да, да! Морды лиц своих «невинных» нечего тут кривить! Именно, половые сношения! А также любые развратные действия с лицами, не достигшими совершеннолетия, и совершённые в особой извращённой форме, караются уголовным кодексом УССР тюремным заключением в исправительной колонии строгого режима для несовершеннолетних сроком до 10 лет? Статьи 117—120 УК Украинской ССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.